задачу и с удовлетворением находил его в ответах Гаранжи.

2\. — Погоди! — шептал Григорий отталкиваясь живот, — ты говоришь, что на потребу капиталистам нас гонят на смерть, а как же народ? Аль он не понимает? Неужели нету таких, чтоб могли рассказать? Вышел бы и сказал: „Братцы! Вот за что вы гибнете [illegible] в кровях!"

— Як це так вышел? Ты, шо, [illegible] А ну побачил-бы я, як ты-бы вышел. Мы ось с тобой шепчемся, як гуси у камышах, а [illegible] гукни и под пулю. Черная глухота у народи. Война его побудит. Из тучи повяз грому бот [illegible]...

— Што же делать? Говори, гад! Ты мне сердце разворошил.

1\. — Поздней ночью однажды Григорий встал с кровати и разбудил Гаранжу. Он подсел к нему на кровать. В окно сквозь приспущенную штору тек зеленоватый свет сентябрьского месяца. Щеки проснувшегося Гаранжи темными [illegible] блестели черные впадины глазниц. Он зевал и зябко кутал ноги в одеяло.

— Шо не спишь?

— Сну нету. Сон от меня уходит. Ты мне объясни вот что: война одним на пользу, другим разор...

— Ну? Ааааа... — зевнул Гаранжа.

— А шо тоди сердце каже?

— Не знаю, — признался Григорий.

— Кто у жизни с кручи пихае, того я пихну! Треба повернуть винтовки. Треба у того знать траж, кто посылает людей у пекло. Ты знай, — Гаранжа приподнялся и, скривив губы, вытянул руку, — подниметься велика хвыля, вона усе снесе!

Они проговорили до рассвета. В серых сумерках забылся Григорий беспокойным сном.

Утром его разбудили голоса и плач. Иван Врублевский лежал на кровати вниз лицом, всхлипывал, сморкался, возле него стояли фельдшерица, Ян Варейкис и Косых.

— Чего он плачет? — высунув голову из-под одеяла, хрипнул Григорий.

— Глаз разбил. Начал из стакана вынать и кинул его об пол. — Скорее со злорадством, чем с сожалением ответил Косых.

Какое-то немецкое общество [illegible] снабжало искусственными глазами, выдавая солдатам бесплатно. Накануне Врублевскому подобрали и вставили стеклянный глаз тончайшей работы, такой-же голубой и красивый, как и настоящий. Настолько художественно был он сделан, что даже при внимательном изучении нельзя было отличить подменный глаз от искусственного. Врублевский радовался и смеялся как ребенок.

— Я теперь домой, — говорил он по владимирски окая, — любую девку обману. Женюсь, а потом